

**«ТРИЕДИНСТВО» ЗВУКА, СЛОВА, СМЫСЛА:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ЦИКЛА
М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «СИВИЛЛА»**

О.Г. Никулкина

Ключевые слова: лингвистический анализ, коннотативное значение, окказионализм, изобразительные средства, художественный повтор.

Keywords: linguistic analysis, connotative meaning, occasionalism, visual means, expressive repetition.

DOI 10.14258/filichel(2020)3-03

*Поэтов путь: жжся, а не согревая.
Рвя, а не взрачивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем!
(«Поэт – издадека заводит речь...»,
8 апреля 1923 года)*

Лингвистический анализ лирических произведений, в которых особую роль играет словесно-звуковая ткань, эмоционально-смысловая насыщенность единиц всех языковых уровней и их выразительные возможности, привлекали внимание выдающихся ученых-лингвистов (М.Ю. Лотман, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин и др.) и таких современных исследователей, как Т.А. Самсонова [Самсонова, 2009], Н.И. Клешина [Клешина, 2008], Е.В. Тырышкина [Тырышкина, 2018; Тырышкина, 2019], Д.С. Скокова [Скокова, 2015].

Разножанровые и тематически неоднородные многочисленные публикации, посвященные разным аспектам творчества М.И. Цветаевой, составляют особую междисциплинарную научную область – цветаеведение. Среди работ, анализирующих лингвистические особенности поэтических произведений М.И. Цветаевой, отметим монографии Л.В. Зубовой [Зубова, 1999] и Е.О. Айзенштейн [Айзенштейн, 2000], а также исследования основоположника изучения индивидуально-авторского языка поэта О.Г. Ревзиной [Ревзина, 1989, 1995, 2009], в которых фрагментарно рассмотрены отдельные языковые средства цикла «Сивилла». Среди трудов, посвященных анализу одного из поэтических текстов М.И. Цветаевой (М.Л. Гаспаров, Л.И. Аронова, В.С. Баевский, В. Гольштейн, В.А. Колотаев, О.П. Пучинина, Р.С. Войтехович,

Л.Г. Панова, Е.Л. Кудрявцева, Т.А. Быстрова и др.), наблюдается дефицит публикаций по исследованию лингвистической составляющей цикла «Сивилла». Н.П. Уфимцева, Ж. Киперман, К.А. Медведева, Т.Л. Павлова и другие ученые анализировали цикл в литературоведческом направлении. Предметом лингвистических исследований последних лет становились гендерно маркированные языковые средства в лирике поэта [Ермакова, 2018], система антонимов в прозе М.И. Цветаевой [Кашицына, 2019], звуковые особенности рифмы в поэзии автора [Геворкян, 2017], мифологемы в лирике М.И. Цветаевой [Барковская, 2018] и особенности эпитетов в текстах поэта [Губанов, 2017]. Частично фонетические особенности анализируемого цикла рассмотрены в статье О.А. Скриповой [Скрипова, 2006]

Отсутствие работ, связанных с комплексным анализом языковых единиц поэтического цикла «Сивилла», обусловило актуальность настоящей статьи. Целью статьи является анализ лингвистических средств, которые участвуют в передаче эмоционального и смыслового содержания как отдельного стихотворения, так и цикла в целом. Задачи работы – исследование особенностей языковых единиц всех уровней; выявление выполняемой ими художественной функции и роли в создании образной ткани текстов, а также в раскрытии смысловой парадигмы цикла; анализ доминантных изобразительных языковых средств в стихотворном цикле. В соответствии с задачами исследования применяются методы: выборка языковых единиц, их классификация, описание и анализ, а также метод контекстуального семантического анализа.

Цикл «Сивилла» состоит из трех стихотворений. Два из них («Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...», 5 августа 1922 года, Прага; «Каменной глыбой серой...», 6 августа 1922 года, Прага) были первыми стихотворениями, написанными М. И. Цветаевой в Чехословакии, в местечке Мокропсы, куда она переехала из Берлина 1 августа 1922 года. Третье стихотворение («Сивилла – младенцу», 17 мая 1923 года) было перенесено в цикл позднее на основе тематического содержания.

Согласно греческой мифологии, Сивилла – имя прорицательницы. От влюбленного в нее Аполлона она получила дар предсказания и была награждена бессмертием [Мифологический словарь, 1991, с. 497]. Впоследствии именем *Сивилла* стали называть всех прорицательниц, произошла апелляция онима (имя собственное перешло в разряд нарицательных).

В мировой литературе к образу предсказательницы Сивиллы (сивиллы) обращались античные (Вергилий в «Энеиде», Овидий в «Метаморфозах») и русские поэты начала XX века (К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов). В период написания цикла М.И. Цветаева писала: «Вот эпитафия, к одной из моих будущих книг. (Слова, вложенные Овидием в уста Сивиллы, привожу на память): «Мои жилы иссякнут, мои кости высохнут, но ГОЛОС, ГОЛОС – оставит мне Судьба!» (Сивилла, согласно мифу, испросила Феба вечной жизни, забыла испросить себе вечной молодости! Не-случайная забывчивость!)» (Цветаева, 1995, т. 6, с. 561)¹.

Рассмотрим языковые особенности стихотворений цикла «Сивилла». М.И. Цветаева, дочь пианистки, человек с тонким музыкальным слухом, виртуозно использовала звуковую палитру языка для создания поэтических образов. Ориентация на звучание слова, «вслушивание» в звуковую строй языка – характерная черта стихотворных текстов поэта, которая в полной мере проявилась в анализируемом цикле. М.И. Цветаева писала: «Все мое писанье – вслушивание. Отсюда, чтобы писать дальше – постоянные перечитыванья. Не перечтя по крайней мере двадцать строк, не напишу ни одной. Точно мне с самого начала дана вся вещь – некая мелодическая или ритмическая картина ее – точно вещь, которая вот сейчас пишется (никогда не знаю, допишется ли), уже где-то очень точно и полностью написана. А я только восстанавливаю. Отсюда эта постоянная настороженность: так ли? не уклоняюсь ли? не позволяю ли себе – своеволия? Верно услышать – вот моя забота. У меня нет другой» (Цветаева, 1994, т. 5, с. 285).

В звуковой организации первого стихотворения цикла номинация *сивилла* играет ключевую роль: она организует внешнюю форму текста, номинирует лирического героя, повторяется девять раз в роли субъекта в одномодельных синтаксических конструкциях, организует ритм и интонацию стихотворения: «*Сивилла: выжжена, сивилла: ствол. <...> Сивилла: выпита, сивилла: сушь. <...> Сивилла: выпита, сивилла: зев / Доли и гибели...<...> Сивилла: вещая! Сивилла: свод! <...> Сивилла: выжившая из живых*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136).

Основными фонетическими изобразительными средствами в цикле являются различного рода звуковые повторы (аллитерация звуков [с] / [с'], [в] / [в'], [л] / [л']; звуковые повторы, расположенные в начале слов (анафорические звуковые повторы); звуковые повторы в

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

конечных позициях слов (эпифорические звуковые повторы); звуковые сближения, представленные паронимической аттракцией; сочетание омографов в пределах одной синтагмы), а также звуковое неблагозвучие (художественные диссонансы).

Аллитерованные звуки [с] / [с'], [в] / [в'], [л] / [л'] и их комбинации вариативно повторяются во всем цикле и формируют его фонетическую фактуру. Аллитерованные звуки преобладают в начале первого стихотворения, в середине и в конце текста их фонетическая плотность несколько снижена:

Сивилла Сивилла свл // вс вл вл // Сивилла Сивилла с // вс всл вс // Сивилла Сивилла /л л в в // в в лс / сл в л// в в всл / с влс // в вс с в /с лс в в // Сивилла Сивилла св // лв свлс / с в сс в / вс вс св / лс// в в в / Сивилла в в в.

Во втором и третьем стихотворениях аллитерованные звуки встречаются реже:

л с / с в вв св / л в / лс в // в св слс / в сл / с / с // лв л / в л лсв / сл л / слв// л / в лв / л сл / св в;

- / л л / - // с л сл / л / л сл // л с с / с / л л в в в / в в // в / в / в с / л л в в // л / л л вс / в в / в // в с / в / в в // с / в в / с л с вв / с вс // в в л с / свл / в сс в//.

Анафорические звуковые комплексы представлены рядом повторяющихся созвучий. Выразительны анафорические звуковые повторы *вр-* в словах *в разбег* и *врасплох* внутри одной строки, передающие неожиданность, спонтанность случившегося: «*Потом, под веками – в разбег, врасплох, / Сухими реками взметнулся Бог*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136).

Отношения звукового сходства в строках организуются и другими звуковыми повторами: начальными сочетаниями *дре- дере- дер-, де-*. «*Древо меж дев. // Державным деревом в лесу нагом – / Сначала деревом шумел огонь*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136).

В приведенном контексте звуковой анафорической комплекс *дре-, дере-, дер-, де-* совпадает (*древо – деревом*) либо не совпадает с морфемой (*державным – деревом*). Подобные звуковые сближения, организующие фонетическую ткань текста, семантически сближают важные для поэтического мышления М.И. Цветаевой слова.

Инвариантный префикс *вы-*, обозначающий «исчерпанность действия» [Ожегов, 1999, с. 108], сближает глаголы и глагольные формы *выжжена, вымерли, выпита, высохли, выбыла, выбывшая* из разных строф, делая их контекстуальными синонимами, смысловое единство которых поддерживается гиперсемой 'умершая, не существующая'.

Совпадение звуков в конечных позициях наблюдается в многократно повторяющихся парах слов: *рождение – паденье*.

Сближение семантически несопоставимых слов достигается в третьем стихотворении цикла благодаря явлению паронимической аттракции. Слова, похожие по звучанию, но разные по значению, плавно переходят одно в другое, при этом контекстуально сближаясь семантически: «*Смерть, маленький, не спать, а встать, / Не спать, а вспать*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136). Паронимические сближения *спать – встать – спать – вспать* используются М.И. Цветаевой как фонетические средства построения поэтического текста на основе соединения смысловых противопоставлений, необходимых для выражения авторского понимания категории смерти.

Выразительным фонетическим средством являются также омографы с проставленным авторским ударением на одном из них: *Горе гор'е!*

Неблагозвучие, создаваемое стечением труднопроизносимых согласных, играет роль изобразительного средства и передает эмоциональное состояние лирического субъекта и смысловой подтекст всего стихотворения: «*Так благовещенье свершилось в тот / Час нестареющий, так в седость трав / Бренная девственность, пещерой став / Дивному голосу...*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136).

Скопление согласных, затрудняющих произношение, имеется в сочетании *седость трав* и *девственность пещерой* на стыке слов. В приведенном контексте наблюдается снижение частотности аллитерованных [с] / [с'], [в] / [в'], [л] / [л'], преобладающих в первых строфах текста, и увеличение количества шипящих [ш], [ш'], [ч] и глухих [т], [т']. Оформление указанных труднопроизносимых звуковых сочетаний и звуковой строй строфы в целом создают эффект шепота и требуют замедленного и вдумчивого прочтения. Звуковая инструментовка последней строфы, являющейся завершением стихотворения в композиционном, сюжетном и содержательном отношении, ассоциативно связана с тихим голосом, шепотом. По сюжету стихотворения происходят метаморфозы сивиллы в ствол, затем в пещеру, которые можно понимать как сопричастность поэта божественному (духовному) началу, как аллегорический путь поэта, наделенного особым даром, «дивным голосом». Посредством семантизации звуковых диссонансов передается сакральность происходящего, о котором можно говорить только шепотом.

Таким образом, различного рода звуковые повторы семантизируются и сближают значения лексических единиц. Звуковая

организация текста (фонетика) взаимодействует с другими языковыми уровнями и влияет на образный и смысловой аспекты цикла.

О единстве внешней формы слова и его смыслового наполнения М.И. Цветаева писала: «Внешняя рифма только путь к рифме внутренней, слуховое созвучие только путь к смысловому созвучию» (Цветаева, 1997, с. 516). Неповторимая звуковая энергия цветаевского стиха подчинена «стихии стихий» – слову. «Я пишу, чтобы добраться до сути, выявить суть, вот основное, что могу сказать о своем ремесле. И тут нет места звуку вне слова. Слову вне смысла: тут *триединство*» (курсив – М. Ц.) (Цветаева, 1995, т. 7, с. 377) – писала М. Цветаева в письме к Ш. Вильдраку в 1930 году. Рассмотрим вторую константу в «триединстве» – слово, лексическую составляющую.

Словообразовательными окказионализмами являются отвлеченные существительные со значением признака, образованные по продуктивному словообразовательному типу суффиксом *-ость*: *седость* (трав), *слепость* (век). Наряду с существительным *слепость* в тексте стихотворения приводится и узуальная пара *слепота*. В словаре В.И. Даля слова *седость* и *слепость* зафиксированы как употребительные [Даль, 1998, т. 4, с. 229, 378].

Окказиональные слова в поэтической речи являются яркими стилистически маркированными средствами и выполняют художественную функцию, выражают необходимый поэту смысл, поэтому выбор окказионального слова всегда не случаен.

Существительное *седость* в словосочетании *седость трав* организует фонетическую ткань строки (см. об этом выше). В паре *слепость – слепота* важен фонетический облик суффикса *-ость*, позволяющего рифмовать окончания строк *слепость – крепость*: «Недрами – в ночь, сквозь слепость / Век, слепотой бойниц. // Глухонемая крепость / Над пестротой жилиц» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 137).

Существительные с абстрактным значением чаще не образуют формы множественного числа. С стихотворениях цикла «Сивилла» морфологические окказионализмы *тьмах* (существительное в форме мн. ч., пр. п.) и *щедрот* (существительное в форме мн. ч., род. п.) организуют рифму со словами *прах* и *счет* соответственно:

Горе гор'е! Под толщей
Век, в прозорливых тьмах –
Глиняные осколки
Царств и дорожный прах
Битв... <...>
 (Цветаева, 1994, т. 2, с. 137).
Где залежи его щедрот?

Плачь, маленький: рождение в счет...

(Цветаева, 1994, т. 2, с. 137).

Словарь стихотворений цикла «Сивилла» отличается использованием общелитературной и стилистически маркированной лексики, представленной архаической лексикой и поэтизмами: *древо, дев, нагой, вещь, свершилось, брeнная, прах, твердь, узришь, смежение, днeсь*.

Индивидуально-авторский словарь стихотворений цикла содержит реминисцентные знаки, представленные именами собственными *Бог* (два употребления) и *Благовещенье*, которые отсылают к вечным темам и образам.

К числу лексических окказионализмов относится прилагательное *нигдеших*: «*С заоблачных нигдеших скал, / Младенец мой, / Как низко пал!*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 137). Окказиональное прилагательное *нигдеших* не имеет словарного синонима, поэтому его введение, как нам представляется, важно для конкретизации нового, еще не номинированного признака. Значение окказионализма мотивировано производящим словом (наречием места *нигде*) и препозиционным прилагательным (*с*) *заоблачных* с узуальным значением и формой. Следовательно, значение прилагательного *нигдеших* можно трактовать как 'расположенных в нигде, не здесь'.

Лексемы в тексте стихотворений в большинстве многозначны и используются в переносных значениях. Тропы, имеющие многозначную семантику, представлены метафорами и олицетворениями (*зев доли и гибели, в лесу нагом, с веком порвав родство, кутают ливни плечи в плащ, тысячелетья плещут у столбняковых глыб, тело – пещера голоса, глухонемая крепость, осколки царств, прах битв, жилы высохли*), парафразом – *век смежение* (смерть), оксюморонами (*сухие реки, час нестареющий*).

Доминирующими текстопорождающими средствами стихотворения «Сивилла – младенцу» являются художественные повторы синтаксических моделей, словосочетаний, лексем, звуковых сочетаний.

Выделяются лексические повторы в функции обращений: *младенец* (два употребления), *маленький* (пять употреблений). Повторяются словосочетания внутри параллельных синтаксических конструкций: *То, что в мире смертью названо...; То, что в мире – век смежение...*

Повторы в начальных позициях строк (анафорические лексические повторы) представлены союзами *и – и*, дробящими стихотворный ритм (*И в прах, / И в час...<...> И в кровь, / И в пот...*),

союзами *но – но* в однотипных императивных побудительных предложениях (*Но встанешь! <...> Но узришь!*), союзными словами *где – где* в составе параллельных вопросительных конструкций (*Где зарева его чудес? <...> Где залежи его щедрот?*), словосочетаниями *плачь, маленький* (четыре употребления).

М.Л. Гаспаров как характерные черты поэтики М.И. Цветаевой выделял «сближение слов по звуку и вслушивание в получившийся новый смысл; выдвижение слова как образа и нанизывание ассоциаций, уточняющих и обогащающих его старый смысл; рефренное словосочетание как композиционная опора, к которой сходятся все темы всех частей стихотворения» [Гаспаров, 2001, с. 149.]

Философия жизни и смерти транслируется многократными повторами номинаций *рождение* и *смерть* с измененной семантической парадигмой. Номинация *рождение* осложнена следующими контекстуальными значениями: *рождение – паденье в дни; Рождение – паденье в час! Рождение – паденье в кровь, / И в прах, / И в час; рожденье в вес! рожденье в счет, / И в кровь, / И в пот...*

Лексемы *дни, час, кровь, прах, вес, счет, пот* указывают на предельные земные пространственно-временные категории и координаты, то есть рождение ассоциируется с падением в жизнь, с превращением духа (священная, неземная сущность) в прах (земная, материальная сущность).

Семантическое поле номинации *смерть* представлено значениями: «*То, что в мире смертью названо – паденье в твердь, <...> рожденье в свет*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 138). Сначала автор метафорически изображает физическую смерть – «паденье в твердь», затем воскрешение – «рожденье в свет». Заключительная строфа построена на отрицании значения контекстуальных антонимов и утверждении авторского понимания смерти: «*Смерть, маленький, не спать, а встать, / Не спать, а вспать*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 138).

Контрастность ключевых понятий *жизнь (рождение) – смерть* усиливается другими узуальными и ситуативными антонимами в тексте: *ты духом был, ты прахом стал; и впрдь, и вновь; о них и нас; из днесь – в навек.*

Таким образом, семантический подтекст оппозиции *рождение (жизнь) – смерть* основан на пересечении окказиональных антонимов, контрастность значений которых нейтрализуется в контексте их синонимическими отношениями, отождествлением: *смерть есть рождение*. Смерть в идиостиле М. И. Цветаевой – это бесконечный путь к свету «из днесь – в навек».

Художественную функцию выполняют и знаки препинания, организующие синтаксический уровень текстов стихотворений. Авторским двоеточием разделены субъект (сивилла) и предикат (существительное в им.п. или глагольные формы) в сложных бессоюзных предложениях, которые организуют первую строку в строфах первого стихотворения цикла. Тире в третьем стихотворении замещает предикативную глагольную связку в повторяющихся параллельных синтаксических конструкциях. Авторские двоеточия (пунктуационная доминанта первого стихотворения цикла) и тире (наиболее часто употребляется в третьем стихотворении) передают эмоциональное напряжение субъекта и замещают собой не вербализованные лирическим героем синтаксические конструкции, тем самым становятся семантически насыщенными выразительными средствами.

Таким образом, художественные повторы не только задают ритм, размер и интонацию стихотворения, но и актуализуют смыслопорождающие, опорные слова и словосочетания, обрастающие в контексте новыми значениями. Повторяемость лексем и синтаксических конструкций создает эффект цикличности, бесконечности жизни и важности провозглашенных лирическим субъектом истин.

Все языковые уровни (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический) участвуют в формировании художественной структуры цикла и являются смыслопорождающими. Рассмотрим смысловую составляющую каждого стихотворения цикла.

В первом стихотворении номинация *сивилла* и лексема *вещая* в значении 'мудрая, всезнающая' апеллируют к первообразу, греческому мифу о прорицательнице. М.И. Цветаева моделирует свой собственный миф: сивилла в образе выжженного дерева при божественном участии становится пещерой, каменной глыбой (горой). Через метафорическую смерть показано рождение новой сущности лирической героини – поэта, наделенного «дивным голосом». Мотив неизбежной аллегорической смерти, в результате которой лирическая героиня освобождается от телесного, земного ради рождения в новой ипостаси, маркирован лексемами *вымерли, сушь, высохли, огонь*. Процесс качественного перерождения отсылает к обряду инициации (мыслимая смерть человека и рождение его в новой ипостаси), практиковавшемуся повсеместно у древних племен.

У М.И. Цветаевой сивилла предстает в образах дерева (ствола), пещеры, горы, которые становятся вместилищем голоса.

Образы *огня, дерева, голоса, горы* (каменной глыбы), являющиеся смысловыми центрами текста, обладают в славянской культуре сакральной символикой. Сравнение сивиллы с деревом и его частью (стволом) связано со славянскими представлениями о сакральной сущности дерева. В обрядовой символике дерево отождествляли с человеком, оно часто фигурирует как двойник человека, как одна из его инкарнаций [Славянские древности, 1999, т. 2, с. 60–64].

Огонь имел амбивалентную семантику, считался разрушающим началом и одновременно источником жизни, а также выполнял защитную, очистительную и продуцирующую функции [Славянские древности, 2004, т. 3, с. 513–516]. Огонь очищает сивиллу, выжигает ее телесную (земную, греховную) суть и подготавливает ее к встрече с Богом.

Голос, согласно народной культуре, соотносится с оппозицией *жизнь – смерть*, «выступает как вместилище его души и силы» [Славянские древности, 1995, т. 1, с. 511]. Перерожденная, очищенная священным огнем сивилла стала сосудом (пещерой) «дивному голосу», который можно интерпретировать как творческий, поэтический дар.

М.И. Цветаева сакральный процесс превращения сивиллы в бессмертную, глухонемую, слепую крепость-пещеру (метафора сущности поэта по отношению к внешнему миру) решает с помощью аллюзии к христианской символике (*Благовещенье, Бог*), провозглашая тем самым божественную одухотворенность поэтического дара. Однако лишение способности видеть, слышать, говорить в славянской мифологии интерпретируется как принадлежность человека потустороннему, демоническому миру. К теме непостижимой, двойственной сущности поэтического дара, его божественному или демоническому началу М.И. Цветаева обращалась и в ранних стихотворениях. Так, в стихотворении «Закинув голову и опустив глаза...» (1918) показана борьба темного (*Произвол*) и светлого (*Промысел*) начала в душе лирического героя (самоидентификация М. И. Цветаевой), представшего перед судом Всевышнего. Примечательно, что в этом стихотворении содержатся те же библейские реминисценции, что и в цикле «Сивилла», а именно лексемы *Благовещенье* и *Господь: И ты поймешь, как страстно день и ночь / Боролись Промысел и Произвол / В ворочающей жернова — груди.// Так, смертной женщиной, — опущен взор, / Так, гневным ангелом — закинут лоб, / В день Благовещенья, у Царских врат, / Перед лицом твоим — гляди! — стою* (Цветаева, 1994, т. 1, с. 389).

В последних строфах стихотворения «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол...» библейские реминисцентные знаки отсылают к

ключевому эпизоду в христианской традиции – Благовещению: «*Так Благовещенье свершилось в тот / Час нестареющий, так в седость трав / Бренная девственность, пещерой став / Дивному голосу.../ – так в звездный вихрь / Сивилла: выбывшая из живых*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136). Метафорическая смерть одной сущности лирической героини («выжженный ствол», «выпитая сушь», «выбывшая из живых») и рождение ее новой ипостаси отмечено не демоническим, а божественным присутствием и сопоставляется по значению с вестью о предстоящем рождении Спасителя: «*И вдруг, отчаявшись искать извне, / Сердцем и голосом упав: во мне!*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 136).

Следовательно, поэт – это прорицатель с выжженной греховной сутью, чистый дух, отмеченный Богом и наделенный особым даром. Сакральный процесс перевоплощения по своему значению достигает у М.И. Цветаевой космического масштаба, уносится в «звездный вихрь».

Мотив пещеры как вместилища голоса является основным во втором стихотворении цикла: «*Тело твое – пещера / Голоса твоего*» (Цветаева, 1994, т. 2, с. 137). Бессмертный дар поэта подчеркивается парафразой *с веком порвав родство* и метафорой *тысячелетья плещут у столбняковых глыб*. Образ пещеры («каменная серая глыба», «глухонемая крепость») рассматривается как метафора отношения поэта к внешнему миру, как концепция творчества. Поэт находится вне времени и пространства, у его ног разбиваются «глиняные осколки царств» (метафора вневременного значения творчества). Бессмертие, «слепость век», глухота и немота сивиллы-пещеры-поэта – это расплата за бесценный дар.

Сюжет третьего стихотворения – наставление сивиллы младенцу. Сема 'наставление' поддерживается императивными формами *лньи, плачь* (четыре употребления), *встанешь, узришь*. Образ поэта-прорицателя впервые обрисован категориями одушевленности. Номинация *сивилла* присутствует только в подзаголовке, который представляет собой безглагольное неполное (эллиптическое) предложение с названным субъектом действия и объектом («*Сивилла – младенцу*»). Символична антонимия *старуха – младенец*, актуализующая мудрость сивиллы (поэта) и неведение младенца. Две ипостаси – мудрая прорицательница и поэт, наделенный особым даром, – слились в одном образе. Третье стихотворение венчает собой цикл и является квинтэссенцией размышлений М.И. Цветаевой о сущности поэта и о его предназначении, о философских категориях *жизнь и смерть*.

Подводя итог исследованию, отметим, во-первых, что единицы всех языковых уровней являются смыслообразующими

изобразительными средствами и выполняют художественную функцию.

Во-вторых, основным художественным приемом в цикле является звуковой, лексический и синтаксический повтор. Звуковая ткань стихотворений цикла организована аллитерованными согласными, повторами анафорических и эпифорических звуковых комплексов, звуковыми диссонансами, паронимической аттракцией. На лексическом уровне значимые в смысловом отношении слова подчеркиваются звуковыми созвучиями. Повторы лексем и моделей синтаксических конструкций становятся смыслообразующими средствами в стихотворениях цикла.

В-третьих, лексема *сивилла* стягивает тексты стихотворений в одно смысловое пространство. На архетипический античный образ наслаиваются славянские мифологемы и христианская символика. Посредством трансформации образа сивиллы аллегорически изображается концепция поэтического творчества, где голос поэта (творчество, вдохновение) становится воплощением звука, слова, смысла.

Литература

- Айзенштейн Е.О. Построен на созвучьях мир: звуковая стихия М. Цветаевой. СПб., 2000.
- Барковская Н.В. «Слово странное – старуха...»: об одной мифологеме в лирике М. Цветаевой // Критика и семиотика. 2018. Вып. 1.
- Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализ. Интерпретации. Характеристики. СПб., 2001.
- Геворкян Т.М. Об одной рифме в книге Марины Цветаевой «После России» // Вопросы литературы. 2017. Т. 2.
- Губанов С.А. О некоторых способах расширения эпитета в текстах Марины Цветаевой // Филология и человек. 2017. № 2.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1998.
- Ермакова Л.А. Гендерно маркированные языковые средства в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018.
- Зубова Л.В. Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб., 1999.
- Кашицына Е.Г. Система антонимов как средство выражения контраста в прозе М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2019.
- Клещина Н.И. Стихотворение «Глаголы» как поэтическая программа И. Бродского // Филология и человек. 2008. № 1.
- Мифологический словарь. М., 1991.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического диалекта. М., 2009.

Ревзина О.Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре // *Язык русской поэзии XX века*. М., 1989.

Ревзина О.Г. Марина Цветаева // *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей*. М., 1995.

Самсонова Т.А. Художественная функция литературных имен в лирике А.А. Ахматовой // *Филология и человек*. 2009. № 1.

Скокова Д.С. Пространство и поэт в эстетике М.А. Волошина: стихотворение «Дом Поэта» // *Филология и человек*. 2015. № 2.

Скрипова О.А. Внутренние рифмы в циклах Марины Цветаевой «Ариадна» и «Сивилла» // *Лики Марины Цветаевой*. М., 2006.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-и тт. М., 1995–2012.

Тырышкина Е.В. «Морожено! Солнце...» О. Э. Мандельштама: опыт анализа акмеистического текста // *Филология и человек*. 2019. № 2.

Тырышкина Е.В. «Ночная чайная» Рюрика Ивнева: в модусе жертвы // *Филология и человек*. 2018. № 4.

Список источников

Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7-и тт. М., 1994–1995.

References

Ayzenshteyn Ye.O. *Postroyen na sozvuch'yakh mir: zvukovaya stikhiya M. Tsvetaeyevoy* [Built on the Consonants of the World: the Sound Element of M. Tsvetaeva]. St. Petersburg, 2000.

Barkovskaya N.V. «*Slovo strannoye – starukha...*»: ob odnoy mifologeme v lirike M. Tsvetaeyevoy [«A Strange Word is an Old Woman ...»: about a Mythologem in the Lyrics of M. Tsvetaeva]. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. 2018. Iss. 1.

Gasparov M.L. *O russkoy poezii: Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki* [About Russian Poetry. Analyzes. Interpretations. Specifications]. St. Petersburg, 2001.

Gevorkyan T.M. *Ob odnoy rifme v knige Mariny Tsvetaeyevoy «Posle Rossii»* [About a Rhyme in the Book of Marina Tsvetaeva «After Russia»]. *Voprosy literatury* [Literature Issues]. 2017. Vol. 2.

Gubanov S.A. *O nekotorykh sposobakh rasshireniya epiteta v tekstakh Mariny Tsvetaeyevoy* [About Some Ways to Expand the Epithet in the Texts of Marina Tsvetaeva]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2017. No. 2.

Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Living Great Russian Language]. In 4 vols. Moskva, 1998.

Yermakova L.A. *Genderno markirovannyye yazykovyye sredstva v poeticheskom diskurse Mariny Tsvetaeyevoy* [Gender-labeled Linguistic Means in the Poetic Discourse of Marina Tsvetaeva]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Yaroslavl', 2018.

Zubova L.V. *Yazyk poezii Mariny Tsvetaeyevoy (Fonetika, slovoobrazovaniye, frazeologiya)* [The Language of Poetry of Marina Tsvetaeva (Phonetics, Word Formation, Phraseology)]. St. Petersburg, 1999.

Kashitsyna E.G. *Sistema antonimov kak sredstvo vyrazheniya kontrasta v proze M.I. Tsvetaeyevoy* [The System of Antonyms as a Means of Expressing Contrast in Prose M.I. Tsvetaeva]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kazan', 2019.

Kleshnina N. I. *Stikhotvoreniye «Glagoly» kak poeticheskaya programma I. Brodskogo* [The Poem «Verbs» as a Poetic Program by I. Brodsky]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2008. No. 1.

Mifologicheskii slovar' [Mythological Dictionary]. Moscow, 1991.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1999.

Revzina O.G. *Bezmernaya Tsvetayeva: opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta* [Immeasurable Tsvetaeva: the Experience of Systemic Description of a Poetic Idiom]. Moscow, 2009.

Revzina O.G. *Vyrazitel'noye sredstva poeticheskogo yazyka M. Tsvetayevoy i ikh predstavleniye v individual'no-avtorskom slovare* [The Expressive Means of the Poetic Language of M. Tsvetaeva and Their Presentation in the Individual Author's Dictionary]. *Yazyk russkoy poezii XX veka* [The Language of Russian Poetry of the XX century]. Moscow, 1989.

Revzina O.G. *Marina Tsvetayeva* [Marina Tsvetaeva]. *Ocherki istorii yazyka russkoy poezii XX veka: Opyty opisaniya idioshtyley* [Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the 20th century: Experiences of Description of Idiographs]. Moscow, 1995.

Samsonova T.A. *Khudozhestvennaya funktsiya literaturnykh imen v lirike A.A. Akhmatovoy* [The Artistic Function of Literary Names in the Lyrics of A.A. Akhmatova]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2009. № 1

Skokova D.S. *Prostranstvo i poet v estetike M. A. Voloshina: stikhotvoreniye «Dom Poeta»* [Space and the Poet in the Aesthetics of M.A. Voloshin: Poem «The House of the Poet»]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2015. No. 2.

Skipova O.A. *Vnutrenniye rifmy v tsiklakh Mariny Tsvetayevoy «Ariadna» i «Sivilla»* [Internal Rhymes in the Cycles of Marina Tsvetaeva «Ariadne» and «Sibyl»]. *Liki Mariny Tsvetayevoy* [Faces of Marina Tsvetaeva]. Moscow, 2006.

Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vols. Moscow, 1995–2012.

Tyryshkina E.V. *«Morozhenno! Solntse...» O.E. Mandel'shtama: opyt analiza akmeisticheskogo teksta* [«Ice cream! The sun ...» O.E. Mandelstam: an Experience in the Analysis of Acmeistic Text]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2019. No. 2.

Tyryshkina E.V. *«Nochnaya chaynaya» Ryurika Ivneva: v moduse zherty* [«Night Tea» by Rurik Ivnev: in the Modus of the Victim]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No. 4.

List of sources

Tsvetayeva M. *Sobraniye sochineniy* [Works]. In 7 vols. Moscow, 1994–1995.

Tsvetayeva M. *Neizdannoye. Svodn-yye tetrad* [Unreleased. Summary Notebooks]. Moscow, 1997.